

* *
*

Я одинъ въ безбрежномъ мѣрѣ, я обманъ личинъ отвергъ,
Змѣй въ пылающей порфирѣ предъ моимъ огнемъ померкъ.
Раздѣленья захотѣлъ я,—и воздвигъ широкой кругъ,
Вольный мѣръ огня, веселья, сочетаній и разлукъ.
Но наскучила мнѣ радость переменчивыхъ лучей,
Я зову иную сладость,—слитность вѣрную ночей.
Темнота ночная пала, скрылась блѣдная луна,
И подъ сѣнью покрывала ты опять со мной одна.
Ты оставила одежды у порога моего.
Исполненіе надежды—радость тѣла твоего.
Предо мною ты нагая, какъ въ творящей первый часъ.
Содрагаясь и вздыхая, ты нагая. Свѣтъ погасъ.
Ласки пламенные чую, вся въ огнѣ жестокомъ кровь.
Вѣсть приѣмлю роковую: „Ты одинъ со мною вновь“.

Федоръ Сологубъ.

* *
*

Я подарю тебѣ рубинъ,—
Въ немъ кровь горитъ въ моемъ огнѣ.
Когда останешься одинъ,
Рубинъ напомнитъ обо мнѣ.
Въ немъ кристаллическій огонь
И металлическая кровь,—
Онъ тихо ляжетъ на ладонь
И обо мнѣ напомнитъ вновь.
Весь окровавленный кристалль
Горитъ невѣдомымъ огнемъ.
Я самъ его зачаровалъ
Безмолвнымъ, неподвижнымъ сномъ.
Не говоритъ онъ о любви,
И не любовь въ его огнѣ,—
Въ его пылающей крови
Ты вспомнишь, вспомнишь обо мнѣ.

Федоръ Сологубъ.

* *
*

Разбудилъ меня рано твой голосъ, о Брама.

Я прошла по росистымъ лугамъ,
Поднялась по ступенямъ высокаго храма,
И цѣлую священный Лингамъ.

Онъ возложенъ на ткани узорной,
Покрывающей древній алтарь.
Стережетъ его голый и черный,
Діадемой увѣнчанный царь.

На священномъ Лингамѣ ярка позолота,
Самъ онъ черенъ, громаденъ и прямъ...
Я закрою Лингамъ закрасившимся лотосомъ,
Напою ароматами храмъ.

Алтарю, покрывалу, Лингаму
Я открою, что сладко люблю.
Вмѣстѣ Шиву и Вишну и Брамю я
Ароматной мольбой умолю.

Федоръ Сологубъ.

* *
*

Бѣлый мой цвѣтокъ, таинственно-прекрасный,
Изъ моей земли, изъ черной ты возникъ,
На меня глядишь ты, нѣжный и безгласный,
И понятенъ мнѣ безмолвный твой языкъ.

Ты возникъ изъ тьмы, моей мечтѣ навстрѣчу,
Ты зовешь туда, откуда вышелъ ты,—
Я твоимъ вѣщаньямъ не противорѣчу,
Къ твоему дыханью наклонивъ мечты.

Федоръ Сологубъ.

